

ISSN 1560-7968

НАЦИОНАЛЬНОЕ
ПОСТОЯНИЕ
ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

ОБРАТИМ КНИГУ
КАК ПАМЯТНИК
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
НАУКА В ЗЕРКАЛЕ
ПУБЛИКАЦИЙ

МАШИНА

БИБЛИОТЕКАРИ

10

1
2000

“Искренний друг русской

словесности”*

О короткой, но насыщенной жизни российского библиографа, библиофила и историка, одного из основоположников отечественной исторической библиографии Михаиле Петровиче Полуденском рассказывает кандидат педагогических наук Любовь Моисеевна РАВИЧ.

В Москве, в Лебяжьем переулке, некогда стоял дом сенатора Петра Семеновича Полуденского, женатого на дочери екатерининского вельможи А. М. Лунина Елене Александровне. У этой четы было шесть детей: две девочки и четыре мальчика. Старшая дочь Варвара считалась одной из первых московских красавиц и сделала блестящую партию; вторая, Екатерина, была домоседкой (а после смерти матери — хозяйкой дома, “хранительницей очага”) и замуж выходить не пожелала. Что же до мальчиков, то все они выросли людьми неординарными, оставившими след в истории отечественной культуры.

Старший брат, Александр, был другом Герцена, высоко им ценимым (он навещал Искандера в его изгнании). У него и его красавицы жены, Марии, сестры известного публициста и “невозвращенца” Н. И. Сазонова был открытый дом, нечто вроде салона, место притяжения молодых московских интеллектуалов. Там до своей ссылки и эмиграции блистал А. И. Герцен (об этом рассказал в своих мемуарах А. А. Фет). В этой атмосфере, среди горячих споров о судьбах страны и культуры, выросли все три младших брата — Сергей, Николай и Михаил. Все они были питомцами передового Московского университета (учились на историко-филологическом отделении). Сергей впоследствии 7 лет был заведующим библиотекой университета; Николай служил в канцелярии Московского учебного округа. Сергей славился как блестящий рассказчик-импровизатор.

Казалось бы — вот благополучная семья, которой суждена долгая и плодотворная

* Начало. Продолжение в следующем номере.

жизнь... Но рок судил иначе... Все эти блестящие юноши друг за другом умирали от наследственной чахотки. Александр не дожил и до тридцати лет. Ненамного пережили его и два следующих брата. Самый "долгий" век был отпущен Михаилу — неполных 39 лет. На нем и прервался род Полуденских, а еще раньше — род Луниных. Декабрист Михаил Сергеевич погиб на каторге; родных братьев у него не было, а двоюродный брат и друг Николай Александрович умер бездетным.

Все богатство двух семей, включая родовое имение Луниных Богородское досталось Михаилу Петровичу Полуденскому, но недолго же он им пользовался! В его владение перешла и богатая книжно-рукописная коллекция, собиравшаяся представителями обеих семей на протяжении доброго столетия. К сожалению, она погибла для русской культуры: умирая, Полуденский завещал все книги (кроме части, пожертвованной ранее Рязанской публичной библиотеке) сестре Екатерине с тем, чтобы она пустила их с публичного торга. Деньги, вырученные от продажи, должны были пойти на устройство в Сокольниках больницы для "страдающих грудною болезнью". Этот аукцион был настолько из ряда вон выходящим событием, что известный С. А. Соболевский вызвал в Москву специальным письмом не менее известного Я. Ф. Березина-Ширяева, надеясь, что тот выкупит хотя бы часть собрания (сам Соболевский к тому времени был уже разорен). Кто и сколько купил книг, установить не представлялось возможным. Правда, в семье имелся библиофил: сын Варвары, впоследствии известный ученый В. Ф. Лугинин. Его библиотека в начале XX века попала в Московский университет, но были ли в ней книги Полуденских — неизвестно. Так и сгинуло это великолепное собрание, разделив судьбу библиотек Геннади, Соболевского, Ефремова и других виднейших библиофилов России.

Библиотека и архив

Можно попытаться умозрительно восстановить состав этого собрания. Прадед М. П. Полуденского Михаил Киприянович (крестник Петра III) и дед Александр Михайлович были людьми просвещенными и, без сомнения, собирали книги. (К слову сказать, сохранился и был опубликован младшим Полуденским пригласительный билет на открытие Дружеского ученого общества, посланный Н. И. Новиковым А. М. Лунину, — это говорит о

многом!) Братья Сергей и Николай были страстными библиофилами. Они "на паях" купили библиотеку разорившегося книгопродавца П. О. Хрусталева, присоединив ее к своему тоже немалому собранию. Разбирать и описывать эти книги поручили Михаилу, как самому компетентному.

*"Брат мой Михаил, — писал Сергей своему приятелю, — перевозит купленные мною книги и пишет, что покупка богатая; предлагает 400 рублей сер<ебром> барыша. Но не уступлю"*¹. Сколько стоила сама библиотека, к сожалению, нигде не обозначено, но, очевидно, немало, если младший брат, большой знаток, еще даже не видя ее целиком, уже предлагает такой значительный "барыш". После смерти братьев, умерших вскоре один за другим, и это собрание перешло к Михаилу Петровичу.

Таким образом он оказался владельцем значительных книжных богатств: наследственная библиотека Луниных, библиотека Хрусталева и братьев и собственная его библиотека, скомплектованная из самых отборных изданий. Как свидетельствуют современники, наиболее полно и разнообразно тут был представлен XVIII век: недаром Полуденский считался крупнейшим знатоком книг этого столетия, как и Касаткин, Афанасьев и Лонгинов.

В библиотеке Полуденского были не только печатные издания: очень богатым был и ее рукописный отдел. Здесь сосредоточены бумаги нескольких поколений Луниных и Полуденских, да и сам Михаил Петрович приобретал всевозможные рукописи, в особенности относящиеся к масонству и Новикову. Самые старые семейные документы восходят к XVI веку. Это — опубликованная Полуденским дарственная его предку "Ивашке" Лунину на деревню Туралево (затем переименованную в Богородское) — фамильную вотчину старшей ветви Луниных. Большой интерес представляли и бумаги прадеда и деда, Михаила Куприяновича и Александра Михайловича Луниных. Последний был высокообразованным человеком, знал цену книгам и документам и собрал множество материалов о восстании Пугачева. Будучи членом следственной комиссии, судившей бунтовщиков, он для себя снимал копии наиболее важных официальных (секрет-

¹ См.: Собиратели книг в России. М., 1988. С. 45. К сведению библиографов: Издавая этот сборник, издательство "Книга" "забыло" обозначить, что я не только составитель, но и автор всех биографических очерков, а также комментариев и аннотированного именного указателя, не говоря уже о публикации ряда архивных документов.

ных) документов. Так в собрании М. П. Полуденского оказались пугачевские бумаги (частично им опубликованные в различных периодических изданиях, частично сохранившиеся в его архиве — те, что не прошли сквозь цензурные рогатки)¹.

Весьма богат был и рукописный отдел библиотеки, относившийся к XIX веку. Прежде всего это были документы, так или иначе связанные с декабристом М. С. Луниным, память о котором благоговейно хранили в семье. Историкам декабризма известны письма к М. С. Лунину П. С. Полуденского (отца Михаила Петровича), в которых он называет декабриста “Милостивый государь братец Михайло Сергеевич”². Думается, что были и ответные письма, и они, конечно, бережно хранились в семье, ведь Полуденский-отец не побоялся в самые страшные времена бороться за завещание сосланного брата, а его жена, женщина с твердым характером, с детства дружила с осужденным на каторгу кузеном. Нельзя забывать и о том, что к Михаилу Петровичу перешел унаследованный его матерью архив Николая Александровича Лунина, который постоянно много лет переписывался с декабристом. Таким образом, декабристские материалы были разнообразно представлены в личном архиве Полуденского.

Очень возможно, что Михаил Петрович имел в копии дневник близкого родственника — Ф. Н. Лугинина (мужа старшей сестры Варва-

ры), где немалое место занимает Пушкин. Записи эти молодой тогда прапорщик Лугинин вел в Кишиневе, где и познакомился с великим поэтом. Дневник, точнее его “пушкинская” часть, опубликован уже в советское время¹. Одно из почетнейших мест в архиве Полуденских принадлежало документам, посвященным Герцену. Он был другом старших братьев — Александра и Сергея, и постоянно бывал в доме.

Таким образом, в библиотеке М. П. Полуденского сосредоточились богатейшие документы, отражавшие духовную и общественную жизнь России за несколько столетий. Кроме того, Михаил Петрович и сам записал много интересного, среди его заметок особо примечательны рассказы князя С. М. Голицына. Им записаны и воспоминания отца о своих студенческих годах. Значительны и эпистолярные материалы. Тут письма к М. П. Полуденскому — Я. К. Грота, И. С. Аксакова, П. В. Анненкова, А. М. Жемчужникова, Е. В. Салиас и других лиц — и письма к другим членам семьи Луниных и Полуденских. Богато представлены были в

М. П. Полуденский

собрании Полуденского и автографы русских и зарубежных писателей, вплоть до редчайших.

Нам хочется рассказать об одной редкости из библиотеки Полуденского, редкости, созданной им самим. Это — маленькая книжка под названием “Три вторника”, изданная библиофилом в 1867 году в количестве шести экземпляров. Седьмой, собранный из дефектных листов, остался в его библиотеке, остальные шесть были подарены его друзьям. В книге три “святочных” рассказа, записанных со слов брата Сергея, блистательного рассказчика. Эти новеллы называются: “Леший”, “Огоньки” и “Дворник Павел”. Первая построена на фольклорном материале, вторая и третья — “страшные”. Хорошая проза предваряется душевным стихотворением:

*В память дружбы, в память споров
И гостиней голубой,
В память тихих разговоров
На Никитской, на Сенной
И того, что между нами*

¹ Эта “Жалованная грамота” стоит того, чтобы ее процитировать, хотя бы в отрывках: “Се яз Князь Великий Василей Иванович всея Руси пожаловали есми Ивашку Лунина сына Менчанинова в Старой Рязани своею деревнею Туралевым со всем, что к той деревне потягло. И хто у него в той деревне учнет жити людей и наши наместницы Переславля Рязанскаго и их тиуни тех его людей не судят ни в чем опричь душегубства и разбоя с поличным, а ведает и судит тех своих людей Ивашка сам во всем или кому прикажет. <...> А кому будет чего искати на самом Ивашке или на его прикащике, ино их сужу яз князь Великий или мой боярин введенный. Писан на Москве, лета 7 тысяч двадцать втораго, апреля 21 дня” (Рус. арх. 1866. Стб. 379).

² Лит. наследство. 1934. № 16—18.

¹ Собиратели книг... С. 46.

*На заветных вечерах
Недосказано словами,
Недописано в стихах;
В память маленького круга,
Где, бывало, в поздний час
Вы внимали сказкам друга,
Покидающего вас...*

“Три вторника” были как бы прощальным изданием А. П. Полуденского — последнего представителя этой фамилии, твердо знавшего, что его участь предрешена, и ожидавшего смерть с необычайной стойкостью. В Петербурге имеется только один экземпляр этой книги, как раз тот, который Полуденский оставил себе. Он был завещан им С. А. Рачинскому, тот подарил его С. А. Соболевскому, а при распродаже библиотеки маститого библиофила в Лейпциге куплен среди других редкостей для Публичной библиотеки, где ныне и находится¹.

Еще при жизни Полуденский пожертвовал множество книг Рязанской публичной библиотеке (получив в наследство лунинское имение Богородское, он стал рязанским помещиком). Но это собрание, как и сама библиотека, к началу XX века перестало существовать. Во всяком случае, в словаре уроженцев Рязанской губернии, в статье, посвященной Полуденскому, сказано, что он “своими жертвованиями значительно содействовал образованию и открытию публичной библиотеки в Рязани, ныне (1910 г. — Л. Р.) уже не существующей”². Сгорела она, уничтожили ли ее “благодарные” сограждане, но только эта часть собрания Полуденского пропала. Остальные книги тоже не уцелели.

Гораздо благополучней сложилась судьба архива. Эти материалы лишь в небольшой своей части освоены нашей исторической наукой.

Полуденский и круг “Библиографических записок”

Окончив университет, Михаил Петрович поступил на службу в Главный архив Министерства иностранных дел³. Там он познако-

мился и сблизился с замечательным человеком — Александром Николаевичем Афанасьевым, будущим знаменитым фольклористом, этнографом и историком литературы, и они решили совместно издавать журнал, целиком посвященный библиофильству и библиографии. Весть эта была встречена с большим энтузиазмом всей книговедческой общественностью. С. Д. Полторацкий подарил свой портрет Полуденскому, надписав на нем: “Поднесено Михаилу Петровичу Полуденскому при радостном известии о издании им с будущего 1858 года Ведомостей русской библиографии”¹. Как видим, Полторацкий именно его считал издателем журнала. Между тем, собственно издательские дела, переписка с авторами, война с цензурой были прерогативой энергичного Афанасьева: сдержанный, даже чопорный Полуденский для этого не годился. Его роль была чисто редакторская, и тут пригодилось его историко-филологическая эрудиция и архивная выучка. “Старики” и представители академической науки предпочитали иметь дело именно с Полуденским, как с человеком своего круга. Собственно, в том сообществе, в котором он оказался (Афанасьев, Ефремов, Якушкин, Касаткин) Михаил Петрович был несколько инородным лицом. Он не разделял радикальных воззрений своих коллег по журналу, хотя, конечно, был человеком вполне передовых взглядов; он был глубоко религиозен, что в том кругу было совершенно нетипичным явлением (умирая в полном сознании, он просил читать ему вслух 14-ю главу из Евангелия от Иоанна)². Внук вельможи, он, вероятно, не очень свободно чувствовал себя в этой демонстративно демократической компании. Тем не менее он был активным сотрудником редакции и автором журнала, на страницах которого опубликовал несколько очень интересных статей историко-книжного профиля.

Афанасьев и Полуденский издавали “Библиографические записки” два года (1858—1859). В 1860 году журнал не выходил, в 1861-м его возобновил В. И. Касаткин, владевший наследственным капиталом (журнал был убыточным). В 1862 году Касаткину пришлось срочно покинуть Россию: он был привлечен к “Делу о сношении с лондонскими пропагандистами”. Но еще до эмиграции, в последнем номере “Библиографических

¹ Собиратели книг... С. 48.

² Об этом см.: Добролюбов И. В. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910.

³ В. С. Иконников в своем “Опыте русской историографии” указывает, что в Архиве хранился выполненный Полуденским перевод с английского “Записки о путешествии Преосвященного Макария в Москву” (Т. 2. С. 1263—1265)

¹ Цит. по: Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 266.

² “Русский”. 1868. № 9. С. 3.

записок" он дал понять читателям, что приходится прекратить издание "до лучших времен". Действительно, журнал столь свирепо преследовался цензурой, что иной раз запрещались целые номера¹.

Научная и книговедческая общественность предпринимала определенные шаги для воскрешения столь нужного издания. Попытки в этом направлении делали П. А. Ефремов и Н. В. Гербель, но безуспешно. В 1866 г. известный славист А. А. Котляревский высказал мысль об издании "Библиографических записок" силами Общества любителей российской словесности при Московском университете и в качестве желательного редактора назвал М. П. Полуденского, в то время — секретаря Общества. Взвесив все возможности (точнее, отсутствие их), Полуденский от предложенной чести вынужден был отказаться².

Полуденский — историк книги

Тематика историко-книжных трудов Полуденского весьма разнообразна, можно даже сказать — пестра. Не забудем, что он и его коллеги-книговеды вспахивали целину. История книги как научная дисциплина тогда только нарождалась. Правда, были уже и "однолюбы" вроде М. Н. Лонгинова, занимавшегося преимущественно XVIII веком, но это не было правилом, наоборот: книжников середины прошлого века интересовало все: старопечатная книга, XVIII век и первая половина XIX века. Таким было и научное творчество М. П. Полуденского.

Ряд его работ посвящен русской книге допетровского периода. Это — "Львовские Евангелия XVII века" ("Беседы в Обществе любителей российской словесности", 1868, вып. II)³, "Трехсотлетие московского книгопечатания" ("Современная летопись", 1861, № 9), "Путешествия ко святым местам Василия Барского" ("Библиографические записки", 1859, № 9)⁴ — рассказ о замечательном русском пешеходе-путешествен-

¹ Об этом см. в моих статьях: А. Н. Афанасьев и журнал "Библиографические записки" // Сов. библиография. 1971. № 6 и "Пора перестать делать изю всего непроницаемую тайну" (Пушкиниана "Библиографических записок") // Библиография. 1999. № 1.

² Письмо Полуденского к Котляревскому опубликовано мной в сб.: Собиратели книг в России. С. 62.

³ Оpubл.: Там же. С. 49—51.

⁴ Там же. С. 51—55.

нике и его трудах. Особняком стоит статья "La premier livre imprime a Moscou" (первая книга, напечатанная в Москве), опубликованная в "Бюллетене букиниста", издававшемся в Париже книгопродавцем Обри (1865, № 2) и познакомившая европейского читателя со столь важным эпизодом из истории просвещения загадочной Московии.

Богато представлен в наследии Полуденского русский XVIII век. Не говоря уже о публикации пугачевских документов из семейного архива ("Чтения в Обществе истории и древностей Российских", 1860, кн. II), мы найдем у него статьи и заметки о Г. Р. Державине, В. В. Капнисте, кураторе Московского университета И. И. Мелиссино и мн. др. Особое место в творчестве Полуденского, так же, как и в работах его коллег по "Библиографическим запискам", занимает жизнь и деятельность Н. И. Новикова. Замечательный наш просветитель был, без преувеличения, кумиром всей библиографической молодежи середины XIX века. Здесь уже упоминалось, что в семейном архиве Луниных-Полуденских хранился пригласительный билет на открытие Дружеского ученого общества. Михаил Петрович опубликовал его в "Русском архиве" (1863, № 3) со своим предисловием, раскрывающим историю общества. В "Библиографических записках" за 1859 год (№ 17) он поместил "Материалы для биографии Новикова", а в "Чтениях в Обществе истории и древностей Российских" (1862, № 4) — публикацию бумаг известного масона И. В. Лопухина. Напомню, что русское масонство XVIII века рассматривалось исследователями той поры как течение, оппозиционное по отношению к правительству Екатерины II. Собственно, так же рассматривала его и матушка-императрица.

Эти работы отличает сочетание историко-книжных, историко-литературных и библиофильских элементов. Такой синтетический характер был присущ и трудам большинства видных деятелей книги середины прошлого века и отражал сложившееся в науке положение вещей, когда еще не было четкой дифференциации между библиографией, текстологией, источниковедением, историей литературы. Этот еще недостаточно исследованный феномен — тип библиофила и библиограф-исследователя был затем утрачен и в таком объеме уже не возрождался никогда.